

Лина Ярош

СМЕХ КАК ГРАНИЦА ПРОФАННОГО И САКРАЛЬНОГО В НАИВНОМ СОЗНАНИИ

Современная философия обнаруживает повышенный интерес к изучению пограничных состояний сознания. Наивное сознание оказывается удобным объектом исследования, так как оно устроено так, что внешний мир выступает для него как убедительная, самодостаточная реальность, данная в опыте с очевидностью, не требующей доказательств. Наивный реализм отождествляет субъективные восприятия со свойствами вещей как существующих самих по себе. В силу этого повседневный или естественный опыт характеризуется высокой степенью напряженности. Сферы сакрального и профанного в наивном сознании выступают как диаметрально противоположные и несовместимые. Причиной подобного понимания является убеждение о существовании этих двух сфер действительности независимо от человеческого сознания, а также о независимой реальности содержания сознания. Подобная позиция содержит убежденность в возможности выхода за пределы опыта собственного сознания, что в принципе невозможно. Это убедительно показал Э. Гуссерль в феноменологии. Отказ от проблемы реальности в указанном смысле предполагает такое отношение к действительности, в котором все существующее может быть положено как бесконечность иных возможностей присутствия. При этом не исключается и возможность отсутствия, т. е. небытия. Такая позиция является трансцендентальной. Трансцендентальная позиция приводит к признанию фактического как такового, которое может быть иным, т. е. окружено бесконечным множеством возможностей. Осуществление такой позиции предполагает принятие такого отношения к действительности, при котором она могла бы существовать и по-другому или вообще не существовать, а поэтому к ней можно относиться со смехом, релятивизируя ее абсолютную значимость.

Наивное сознание противопоставляет сакральное профанному как мир энергии миру субстанции. С одной стороны – сила, с другой – вещи. И если вещь обладает фиксированной

природой, то сила может приносить добро или зло, в зависимости от частных обстоятельств, закрытых сознанию. Сила может быть доброй или злой не вследствие своей природы, но из-за ориентации, которую она избирает или которую ей придают. Границы сознания определяют отношение к силе как к чему-то неизвестному. Любая сила в латентном состоянии провоцирует одновременно желания и опасения, вызывает у человека страх относительно поражения или надежду на помощь. Будучи виртуальной, она двусмысленна, но, переходя в действие, становится однозначной. И тогда любые колебания оказываются как бы под запретом. То, что однозначно, в наивном сознании приобретает статус определенной реальности. Отсюда вытекает, что профанное и сакральное соприкасаются как два мира, раздваивающие наивное сознание и определяющие его напряженное состояние из-за переживания постоянной опасности нарушить опасную сферу и оказаться причастным пороку. Для наивного сознания граница порока сливается с границей незнания. Не случайно в древние времена (как свидетельствуют лексикографы), понятие «сакральный» порой означало одновременно «опороченный». Например, в Древнем Риме слово *sacer* означало «тот или то, к чему нельзя прикасаться, чтобы не быть запятнанным или опороченным». *Sacer* как бы отсекал человека, нарушившего границы дозволенного или общепринятого, от круга общения, государства или церкви.

Наивное сознание воспринимает сакральное как источник жизни и смерти. Смерть – это сила, которая постоянно поджидает человека, приход которой непредсказуем. Нет способа ее избежать. Каждое живое существо об этом знает. Поэтому смерть выступает объектом уважения. Вид покойника заставляет нас как бы прикоснуться к тайне сакрального мира и почтительно замолчать. Тем не менее, в истории человечества известна и такая реакция на факт смерти как смех. Такая реакция встречалась в периоды военных действий, когда ненависть к врагу породила фамильярность, граничащую с глумлением, относительно останков убитых людей. Смех в подобных условиях мог выступать или защитой от потрясений или проявлением мироотношения, граничащего с потерей всяких представлений о человечности. Человек при этом ощущал себя свободным от всяких запретов,

навязанных обычаями и воспитанием.

Наивное сознание идентифицирует сакральное с идеей, вещью или существом, которому человек подчиняет свое поведение и которое не может быть подвергнуто осмеянию и шуткам. Подобное отношение к сакральному требует определенного самоотречения, безусловной преданности и даже жертвенности. Сакральное всегда окружено атмосферой искренности и благоговения, о которой не говорят. Искреннее отношение к объекту поклонения стремится спрятать сокровенные переживания, опасаясь подвергнуться критическому отношению, непониманию или даже осмеянию со стороны безразличных людей или даже врагов.

Для наивного сознания сакральное есть, прежде всего, непонятной, опасной действенной силой. И для того, кто решается к ней обратиться, проблема состоит в том, как воспользоваться этой силой, остерегаясь грозящей опасности. Чем значительнее цель, к которой стремятся, тем значимее вмешательство этой силы, которую хотят использовать и тем опаснее ожидаемые последствия ее действия. Она не приручается, не растворяется, не разделяется. Она нераздельна в своей полноте везде, где пребывает. Так, например, малейшая частица реликвии имеет ту же силу, что и вся реликвия. Поэтому наивное сознание должно опасаться своего желания присвоить эту силу.

Профанное относительно сакрального имеет только негативные черты. Оно кажется таким бедным и обделенным существованием, как небытие по сравнению с бытием. Но это, как правило, активное небытие, склонное обесценивать, разрушать полноту, относительно которой оно определяется. Отсюда вытекает необходимость в непроницаемых границах, обеспечивающих изоляцию сакрального от профанного. Вместе с тем эти два рода бытия необходимы для развития жизни. Сакральное присутствует в наивном сознании посредством пограничных переживаний, побуждающих надежды на престижное существование и опасения в случае провала. Профанное же используется без чрезмерных укоров совести. Его оценивают, его судят, в нем сомневаются, его используют не как цель, но как средство. Есть люди, которые все считают профанным и относятся ко всему прагматично в пределах своих возможностей.

Для таких людей сакральное в принципе не существует. Смысл всех явлений мира для таких людей имеет однозначно материальное измерение. Сознание таких людей может быть весьма изощренным в плане хитросплетений, проектов относительно использования других людей. Но подобное сознание тем не менее остается разновидностью наивного. В мире сакрального и профанного присутствует ритуальный порядок, который есть результатом договоренностей. Он очерчивает те границы, в которых господствуют четкие правила. Правила поддерживаются сознательно. Они выполняются с полной серьезностью и не оцениваются как обман или развлечение. В выполнении этих правил не остается места для смеха.

Сакральное существует как чистый смысл, неделимая, действенная сила. Обряды направлены на управление этой силой сакрального в жизни человека. Эта сила есть сверхчеловеческой по определению, поскольку усилия человека по отношению к ней остаются слабыми и неуверенными. Человек не способен руководить этой силой по своему усмотрению и пользоваться по отношению к ней властью в соответствии с установленными границами. Человек может лишь покорно просить ее. Сакральное всегда остается той силой, которая вызывает уважение, опасение и располагает к доверию или недоверию. Причастность к такой силе отделяет человека от других, а также от повседневных забот. Сакральное вводит человека в суровый мир, который вызывает у профанов опасение, недоверие. Сакральное вызывает трепет и страх. Поэтому формой обращения к сакральному может быть молитва, как серьезная деятельность, преисполненная уважительного и даже благоговейного отношения к тому, что находится за пределами человеческих возможностей.

Противоположной по смыслу формой поведения выступает святотатственное поведение насмешника, желающего продемонстрировать свободу от сковывающих норм. Смех при этом выполняет функцию силы, разоблачающей любую серьезность. Смех выступает человеческим проявлением субъективной активности, посягающей на запретные границы. Посредством смеха человек отдалается от реальности. Он стремится к свободной деятельности, которая обязывала бы его лишь условно. Но существование человека в профанной жизни

грозит наивному сознанию множеством угроз. Обычный человек стремится к самозабвению, радости, утешению, непринужденности, то есть тем состояниям, которые производны от чувства безопасности. В серьезной жизни (как сакральной, так и профанной) существование человека сопровождается постоянным напряжением. Необходимо преодолевать трудности, опасности, невзгоды, которые постоянно поджидают человека, и которых он хочет избежать. Масса обстоятельств заносит человека дальше, нежели было предусмотрено. Везде царит вероломство и кажется, что просто неразумно придерживаться правил и договоренностей там, где господствует борьба за выживание.

В обычной жизни каждый человек отвечает за свои действия. Профанное поведение сдерживает человека относительно желания идти до конца в своих намерениях. Оно не позволяет расточительно растрчивать свои душевные силы и оберегает от опасных и разрушающих инстинктов. Вместе с тем течение жизни зависит также от поступков других людей. Ошибки и недочеты других иногда стоят очень дорого. Поэтому всегда следует действовать и говорить осмотрительно, учитывая нежелательный исход дела. Иначе самонадеянность может привести к катастрофе. Необходимо считаться со случайностями, несправедливостью и незаслуженными неудачами, которые могут случиться с невинным человеком. И смех в подобных ситуациях выполняет функцию своеобразного укрытия, где человек как бы оказывается хозяином своей судьбы. Смех оказывается средой ограниченного и временного совершенства, где на краткое мгновение возникает переживание освобождения от напряженных состояний.

Чувством юмора обладает тот, кто обладает душевным равновесием, позволяющим не путать сферы смеха и реальной жизни. Чувство юмора позволяет без урона для собственного самолюбия оказаться объектом смеха для кого-то или для самого себя. Смеяться по поводу чего-либо значит относиться к объекту смеха как средству развлечения, которому не придается серьезного значения. Объект смеха не таит в себе опасности, он тот, которым можно пренебречь и перед которым нет необходимости преклоняться. Поэтому смех можно рассматривать как свободную деятельность, где человек свободен от страха за свои поступки.

Человек в себе несет меру серьезного и смешного. Тем не менее, смешное или достойное смеха не сливается ни с профанным, ни с сакральным. В наивном сознании сфера сакрального тщательно отделена от сферы профанного многими запретами. Табу выполняет роль границы, оберегающей профанное от возможных опасностей. Но при обращении к сфере сакрального за помощью наивное сознание переносит на него профанные представления о возможности воздействия и управления тайными энергиями, которые надо приручить умелым обхождением. Для этого необходимы испытанные рецепты, магические слова, позволенные церковью или самим Богом. Позволенные действия применяют, слова произносят, веря в их действенность. К сакральному обращаются, чтобы повлиять на профанную жизнь, чтобы обеспечить благополучие и душевный покой, ожидая следствие божественной милости. Сила сакрального возносится над повседневным существованием. Выходя из храма, человек возвращается в среду, где его действия не вызывают опасений, страха и трепета. Они привычны и не настолько необратимы, чтобы вызвать непредсказуемые последствия. Когда человек переходит от сакральной деятельности к профанной жизни, он ощущает облегчение, подобное тому, когда он переходит от забот и превратностей повседневной жизни к атмосфере смеха. В обоих случаях поведение обретает новую степень свободы. В этом смысле смех – деятельность преимущественно свободная, она избавлена однозначного значения, она открывает иные планы реальности и не порождает следствий, которых невозможно было бы избежать. Сфера смеха является лишь утешением и развлечением относительно повседневности. А профанная жизнь является как бы утешением и развлечением по отношению к сфере сакрального. Сфера сакрального и сфера смеха соотносимы в той степени, в какой они противопоставлены профанному. Смех выступает границей серьезности профанного. Профанное утверждает как постоянный поиск равновесия, золотой середины, которая разрешает жить не преступая границы дозволенного, довольствуясь порой посредственностью, которая как бы обеспечивает хрупкое примирение двух антитетичных сил. Выход за пределы относительного равновесия равносильно вхождению в мир сакрального, где существует угроза потери себя. Активность

профанного приостанавливается перед суверенной волей сакрального.

В современном обществе глубинный смысл сакрального утрачен. Распространение благ цивилизации сопровождается погоней за выгодой, цинизмом и отрицанием выработанных предшествующими поколениями правил общественной жизни. Благородство и договоренности попираются силой и эгоизмом. Исчезает доверие к моральным нормам, уважение к личности, которые служат условием плодотворных взаимоотношений. Моральные заповеди никто не отрицает. Но в современных условиях трудно себе представить обстоятельства, достойные жертвы собственной жизнью. Возрастающая независимость индивида освобождает его от внешнего принуждения и обеспечивает социальные гарантии против влияния других. В этих условиях сакральное продолжает существовать в той степени, в какой освобождение индивида оказывается неполным, когда обнажаются проблемы смысложизненного характера.

Трудно проанализировать формы, которые обретает сакральное в современной цивилизации. Но оно мыслится все чаще как что-то абстрактное, внутреннее, относящееся только к сфере мысли, но отнюдь не к действиям, не к внешним проявлениям внутреннего мира. Такое понимание сакрального связано с развитием интеллектуальной и моральной автономии индивида, с расширением авторитета науки. Авторитет науки в современном обществе ассоциируется в наивном сознании с авторитетом разума. Хотя не следовало бы забывать, например, мнение И. Канта о том, что наука – это форма выражения рассудочной, но не разумной деятельности. Ибо сфера разума – это сфера свободы и нравственности. Тем не менее, вера в прогресс науки формирует убежденность в том, что разоблачение тайн – дело времени. Такая вера способствует зарождению враждебного отношения ко всему таинственному, формирует отсутствие уважительного отношения к неведомому. Наивное сознание считает, что все может быть объектом познания или эксперимента, и подспудно ведет к тому, чтобы смотреть на все как на профанное, доступное исследованию. Разделение сакрального и профанного вследствие этого больше не связывается с концепцией мирового порядка. Теряется мера глубины и высоты как высших ценностей.

Действительность становится одномерной. Мышление становится плоским, однозначным даже в случаях его изощренных проявлений. Изощренность оказывается как бы формой наслаивания и классификации плоских смыслов, которые располагаются горизонтально или вертикально по воле того, кто ими манипулирует. Распространились маловерие и наигранный скептицизм. Наивное сознание воспринимает подобное отношение к действительности как норму здравого смысла. Осмеяние и даже глумление над всем, что для множества предшествующих поколений было сферой сокровенного, грозит стереть границы не только профанного, но и сакрального. Цинизм, как порождение наивного сознания, получает удовольствие от глумления над всем, утверждая в своем ослеплении мнимое преимущество. Циничный смех, попирающий всякие границы, грозит уничтожить духовные богатства, собранные усилиями страданий многих поколений и тем самым незаметно подтачивает сами устои общества. В этих условиях актуализируется роль философии, которая позволяет осмыслить проблемы наивного сознания, преодолеть его напряженные состояния и направить освобожденный разум в русло положительного творчества. Феноменологическая редукция помогает переключить внимание сознания с одной формы опыта на другую, благодаря чему позволяет снять напряженность наивного сознания, расслабить его. Подобный прием снятия напряженности сознания в форме методологической процедуры подобен акту смеха, позволяющему преодолеть однозначность существующего смысла реальности. Феноменология говорит, что реальность является совокупностью смыслов. Поэтому деление мира на «объективные вещи» и «значения» этих вещей для субъекта – наивно. Ведь «объективность» или же «сама вещь» и есть определенным типом смысла. Э. Гуссерль говорит, что феноменология исключает наивную метафизику, но не останавливается перед высшими и последними «этико-религиозными проблемами, но поставленными на ту почву, на которую и должно быть поставлено все то, что может обладать для нас смыслом» [1, с. 291].

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб, 1998. – 316 с.